

Краеведческий альманах

Администрация Выксунского района дарит своим землякам замечательный подарок – серию статей об истории приокского края, о людях, ковавших славу городу металлургов. Сегодня, решая насущные социально-бытовые и экономические проблемы, важно не забывать, что именно в глубине веков таятся истоки трудолюбия и мощного потенциала жителей города мастеров. Авторы и создатели данного сборника сумели донести до читателей чувство глубокого уважения к истории, традициям Выксы, людям, живущим в этом замечательном городе.

Губернатор Нижегородской области
В. П. Шанцев

**ПРИОКСКАЯ
ГУБЕРНИКА**

Выкса 2010

Приокская глубинка № 2 (11) • 2011

Уважаемые читатели!

Этот выпуск альманаха посвящен 75-летию нашего города.

Здесь представлен исторический материал с древних времен до 30-х годов XX века, когда Выкса стала городом.

В статье нашего постоянного автора В. Балдиной вы увидите Выксу 30-х годов глазами А. Письменного.

В работах А. Москальчука, Г. Храмовой и Н. Будко представлены несколько исторических эссе, написанных на основе преданий и легенд выксунской земли.

Г. К. Никулина

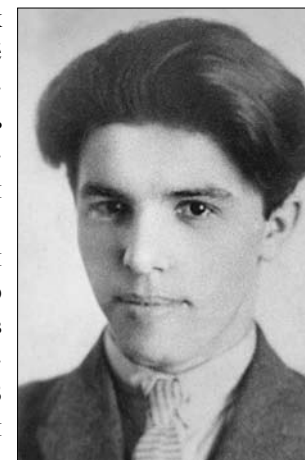
ЖУРНАЛИСТ Н. В. БЕЗРУКОВ¹

Комсомольцы двадцатых годов... Они защищали революцию на фронтах гражданской войны, боролись с разрухой и голодом, с мешанством и безграмотностью. Они строили новый мир и мечтали о всеобщем счастье, жили щедро, ярко, безоглядно. Это было боевое, сильное, надёжное комсомольское племя. Вместе с большевиками оно стояло у истоков того нового, что рождалось в нашей стране после Октября.

Среди первых комсомольцев Выксы – в октябре 1919 года их было 31 – Коля Безруков, высокий стройный мальчик, со смуглым лицом, с серьёзными выразительными глазами. Его отец Василий Александрович, коммунист с 1904 года, воюет с белыми. Семья с матерью Пелагеей Николаевной живёт в доме деда – в Коммунистическом переулке, дом 8.

Дед и бабушка были люди интересные. Александр Николаевич Безруков, мастер доменной печи на Верхней Выксе, дело своё знал и любил. Мог по цвету дыма из заводской трубы определить, как идёт плавка чугуна. Бабушка хорошо пела и плясала, знала множество преданий и бывальщин и умело их сказывала. Как чистый лесной ручеек лилась её плавная, яркая речь. Вся улица, бывало, собиралась слушать Михеевну. И, конечно, первыми были здесь внуки и старший из них – Коля.

Как и многие подростки того сурового и героического времени, Николай Безруков рано повзрослел, быстро нашёл своё место в жизни. В пятнадцать лет он становится комсомольцем, работает вместе с Василием Шестеровым, Владимиром Мазуриным, Бо-

Н. Безруков, 1921 г.

¹ «Выксунский рабочий» – 5/V-1987 г.; 6/V-1987 г

рисом Шефером, Иваном Кулёвым, Николаем Киреевым, Евгением Нечаевым, а несколько позже – рядом с замечательным вожаком выксунской и нижегородской комсомолии Сергеем Салтановым. Не по годам развитой, энергичный, немногословный, он всегда в гуще комсомольских забот и дел. А их у комсомольцев Выксы немало: это культурно-просветительная и физкультурная работа, создание комсомольских ячеек на селе, шефство над Балтийским флотом и над голодающими детьми Поволжья, ликвидация безграмотности и многое другое.

В семнадцать лет комсомольский активист Николай Безруков вступает в партию. В том же 1921 году он приходит в газету.

Это не было случайностью. Николай раньше уже печатал в местной газете свои заметки, с удовольствием бывал в редакции, интересовался тонкостями печатного дела. Газета влекла его неудержимо, и она стала делом его жизни, его любовью и судьбой. Первые, самые трудные шаги на пути газетчика он сделал в родном городе, отсюда ушёл он в большую журналистику.

Тогда, в начале 20-х годов, советская печать ещё только создавалась. Уже существовали центральные газеты: орган ВКП(б) «Правда» и орган Советского правительства – «Известия». Росла сеть губернских и уездных газет. В Выксе газета возникла в августе 1920 года. Первые её названия – «Выксунский вестник», «Вестник», «Выксунская правда». Редакция газеты находилась сначала в помещении агитотдела уездного комитета партии, а заведующие этим отделом были её редакторами на общественных началах. Позднее возник коллектив постоянных сотрудников и появился освобождённый редактор и своё помещение.

На долю первых выксунских газетчиков (а так было повсюду) выпали большие трудности: не было квалифицированных сотрудников, не хватало бумаги, плохими были печатные машины и типографская краска. Преодолевать трудности помогали энтузиазм молодости и сознание важ-

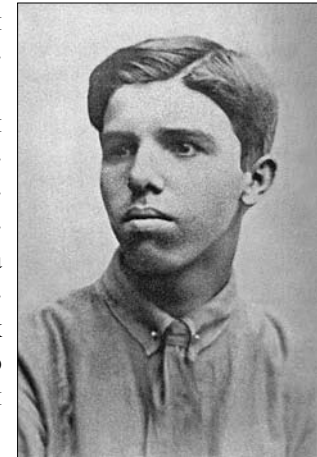
ности газетного дела. Каждый газетчик чувствовал себя бойцом партийного фронта.

Хотя, по сегодняшним нашим понятиям, и размер первой выксунской газеты был мал, и организация самого дела была примитивной, но как нужна была своя газета, как ждали её рабочие! Небольшой серый листок открывал окно в мир: сообщал о положении на фронтах, о жизни всей страны и родного города, звал к борьбе и труду.

Николай Безруков чувствовал себя в редакции газеты нужным

человеком. Его привлекал жанр информации, интересовала и техническая сторона газетного дела. Как о прирождённом газетчике говорят о нём знавшие его люди. Вот свидетельство К.В. Урлина, который редактировал нашу «районку» в 1926-27 годах: «Это был талантливый журналист. Он работал совсем юным подростком в самой первой газете «Выксунский рабочий» в начале 20-х годов». (Письмо от 20/IX -1983 года).

Е.Н. Нечаев, заслуженный врач РСФСР, близко знавший Николая Васильевича, пишет: «Несмотря на свой весьма молодой возраст, он был одним из зачинателей издания выксунской газеты, и её, пожалуй, особенно в техническом отношении, первый труженик. У него была врождённая страсть к журналистике». По словам Евгения Николаевича, Н. Безруков в газете 1921-1923 годов «вёл всё. Подбирал материал, сам писал (больше хронику), бежал в типографию, верстал. Не один раз, идя из парка с футбольного поля, мы с Колей в обязательном порядке заходили в типографию, где в это время печаталась газета, что Коля и проверял. Удивляться приходится, как этот молодой человек, почти мальчишка, строго и серьёзно вни-

Н. Безруков, 1919 г.

кал в дело, давал советы и указания, как и что делать». (Из письма от 17/VI-1985 г.).

Способный и трудолюбивый юноша был замечен. Когда в уком РКСМ пришли путёвки для направления комсо-

Н. Безруков и К. Урлин, 1923 г.

мольцев на учебу, Николай Безруков в числе лучших был командирован в Москву в Коммунистический институт журналистики (КИЖ).

Тогда в молодой Советской республике шла культурная революция. В муках рождались новая литература, новое искусство, новая журналистика; ковались свои кадры. Средоточием культурных сил была Москва. Здесь студент КИЖа Н. Безруков читал Маяковского, Асеева, Есенина, слушал первых комсомольских поэтов: Безыменского, Жарова, Шведова. Как вспоминает его товарищ по институту Константин Урлин, в учебе Николай был пытлив и настойчив. Но больше влекла его практическая работа. Приехав в Выксу на каникулы, он самостоятельно, в порядке производственной практики, выпустил один из номеров «Выксунского рабочего». «Это обстоятельство наполнило наши сердца гордостью: «вот какие молодцы наши комсомольцы – газету выпускать умеют!» – вспоминал Ф. Буданов («Рядом с Сергеем Салтановым», «В.Р.» 26/VI-1974 г.). Этот номер «районки» отличался новизной содержания, броским оформлением рубрик и заголовков. Предпочтя работу учебе, Н. Безруков оставил институт. С тех пор в своих анкетах он писал: «Образование среднее. КИЖ».

Сергей Салтанов, тогда уже секретарь губкома комсомола, пригласил его в Нижний Новгород для работы секретарём газеты «Молодая рать» (ныне – «Ленинская смена»). Масштаб – губернский, рядом – опытные талантливые газетчики. Николай Безруков быстро рос и уже через год работал в редакции «Нижегородской коммуны», заведующим отделом информации – местной и международной.

Из воспоминаний Е.Н. Нечаева: «Работал он вечерами. Часто я приходил к нему. В его комнате был установлен печатный аппарат наподобие массивной пишущей машинки и самостоятельно, автоматически печатал на длинные полосы бумаги передаваемую прямо из Москвы информацию. Коля читал, что не надо, вычеркивал, резал ножницами и т.д. и посылал в типографию. В то время такой ап-

парат, такая связь казались чудом... Коле было 22-23 года». (Из письма от 17/VI-1985 г.).

Пять лет работал молодой сотрудник в «Нижегородской коммуне». В кругу его общения в эти годы – горьковские литераторы, критики, журналисты: П. Штатнов, Б. Пильник, И. Марченко, Б. Рюриков. Его наставники, как и многих молодоратовцев, – и редактор Б.М. Волин, старый большевик-правдист, и весь замечательный коллектив партийной газеты, который воспитал немало редакторов областных и центральных газет. Настоящую школу возмужания прошёл здесь Николай Безруков. Это определило его дальнейший путь.

Из справки Государственного архива Горьковской области: «В 1930-31 годах Н.В. Безруков работает редактором радиовестника, корреспондентом РОСТА в Сороме, затем, с октября 1931 года, – заведующим КрайРОСТА».

Российское телеграфное агентство (РОСТА) было в РСФСР центральным информационным органом и проводником партийной линии в печати. Оно имело свои отделения в крупных городах страны, в том числе в Нижнем Новгороде. Краевое отделение, которым руководил Николай Васильевич Безруков, ведало распространением союзной и международной информации по всему Нижегородскому – Горьковскому краю.

30-е годы – бурные и противоречивые. Напряженным был ритм жизни. Классовая борьба в деревне и организация колхозов; героика труда и саженьи шаги пятилеток; люди, события, факты – это просилось на полотно, в кадр, в газетные строки.

Ответственной была работа заведующего КрайРОСТА. Она требовала от него знаний политики и экономики, глубокого понимания линии партии и коммунистической принципиальности, отличных организаторских способностей и целеустремлённости. Всеми этими качествами обладал журналист Николай Безруков. И потому, когда в 1935 году КрайРОСТА было преобразовано в Краевое отделение ТАСС (Телеграфное Агентство Советского

Союза), его заведующим был утверждён Н.В. Безруков. Эти обязанности Николай Васильевич сложил с себя в 1936 году, в связи с переходом на работу в московские газеты.

Из письма жены Н.В. Безрукова Ольги Александровны Е.Н. Нечаеву: «Из Горького он был направлен на работу редактором «Красного спорта», потом работал в газетах «Московская правда», «Вечерняя Москва». (Письмо от 5/VIII-1985 г.).

Иным был масштаб столичных газет, выше профессиональное мастерство газетчиков. Многому приходилось учиться. Более пятнадцати лет проработал Николай Васильевич в московских газетах. Его заметили и по достоинству оценили: пригласили в центральную газету – «Известия». «Он был очень рад, но работать пришлось недолго». (Слова Ольги Александровны).

Справка из редакции газеты от 20 августа 1985 года: «Сообщаем, что тов. Безруков Н.В. работал в редакции газеты «Известия» в 1952-53 годах в должности заместителя ответственного секретаря редакции».

...И снова Николай Безруков с головой ушел в работу. Большая газета, десятки журналистов. Ответственный секретарь и его заместитель из массы поступавшего материала отбирали самый нужный, ценный идейно и разнообразный, занимались макетированием и вёрсткой газеты, работали и с журналистами, и с печатниками. Вот где очень пригодились незаурядный ум, эрудиция и редкая память Николая Васильевича, его большое трудолюбие и глубокое знание газетного дела. Сдержанный и строгий с виду, он был безукоризненно честен, скромнен, прост и обходителен с людьми. Работать с ним было легко, его уважали.

К. Урлин, 20-е годы

Напряженный труд требовал полного самозабвения, полной самоотдачи. А у него было больное сердце. 26 мая 1953 года, возвращаясь во втором часу ночи из типографии домой, Николай Васильевич повалился на руки шофера машины замертво: разрыв сердца.

Журналисты живут недолго. Многие правдисты и известинцы ушли из жизни на четвёртом или пятом десятке лет. «Мы умираем, потому что беспощадные редакционные ночи изматывают наши сердца и нервы, потому что с каждой газетной строкой уходит частица каждого из нас, наш век укоротили... людские трагедии на всех параллелях и меридианах, тяжкие баталии с противниками, тонны прочитанных страниц. Но если бы нам вернули годы и сказали бы: выбирайте новую профессию, — мы снова выбрали бы беспокойную и нелёгкую журналистскую судьбу!»

Это сказал рано умерший правдист Виктор Маевский. Так мог бы сказать о себе и известинец Николай Безруков, погибший в 49 лет.

Николай Васильевич Безруков достоин благодарной памяти выксунцев.

«Это был самородок-журналист, один из фактических организаторов выксунской газеты и до фанатизма преданный этой работе человек. Были в Выксе и другие газетчики, но они были позднее, шли по уже проторённому пути, конечно, совершенствовали газету, но им было легче. А Коля Безруков был первопроходцем-энтузиастом газеты, каким остался и до конца своей жизни. Я смею утверждать это, так как жил бок о бок с ним и был его задушевным другом».

Е.Н. Нечаев

ПАМЯТИ ЯКОВА ШВЕДОВА²

*Орлёнок, орлёнок, взлети выше солнца
И степи с высот огляди!
Навеки умолкли весёлые хлопцы,
В живых я остался один...*

Кто из нас не знает этих чистых и сильных строк о борьбе, о революционном долге, о мужестве?! Они живут в нашем сердце и памяти.

Автор легендарного «Орлёнка» — Яков Захарович Шведов (1905–1984). Его перу принадлежат тексты и других любимых народом песен: «Отъезд партизан» (1936 г., посвящена С.Я. Лемешеву), «Смуглянка» (1941 г.), «Рос на опушке рощи клён» (1948г.).

Член Союза писателей СССР со дня его основания, Шведов отдал много сил советской литературе. Он создал несколько повестей («На мартенах», 1928 г.; «Выздоровление», 1934 г.), выпустил немало интересных поэтических сборников («Шестеренные перезвоны», 1924 г.; «Берёзовые окраины», 1928 г.; «Орлёнок», 1960 г.; «Рос на опушке клён», 1964 г.; «Из четырёх книг», 1972 г.; «Избранная лирика», 1968 г.; «Орлиное пламя», 1974 г.), написал ряд боевых корреспонденций с фронтов Великой Отечественной войны (в действующей армии находился с июля 1941 года до конца войны).

Всей жизнью своей, всем своим творчеством он служил своему Отечеству, советскому народу. Родина высоко оценила ратный и творческий путь Я.З. Шведова, наградив его орденами Красной Звезды, Трудового Красного Знамени и Дружбы народов, Отечественной войны I и II степени, медалями.

30 декабря 1984 года Я.З. Шведова не стало. Ушёл из жизни поэт-коммунист из орлиного племени 20-х годов, но осталась светлая память о нём.

О Якове Захаровиче Шведове я вспоминаю с тёплым чувством, хотя знала его совсем недолго.

² «Выксунский рабочий» — 28/ХІІ—1985 г.

Летом 1984 года я послала ему в Москву, на Союз писателей СССР, письмо. Зная, что до войны Яков Захарович приезжал в Выксу, просила его написать об этой поездке, о впечатлениях, которыми обогатил его наш город. Я, конечно, понимала, что 78-летнему поэту будет нелегко вспоминать о таком давнем событии. Поэтому многого и не ждала от письма.

Ответ пришёл неожиданно быстро и был интересным. «Ваше письмо нашло меня. Но в первых же строках своего ответа я должен сказать, что моё пребывание в городе Выксе в мае 1925 года, а затем зимой 1940 года не оставило никакого следа», – таким признанием начиналось это письмо. И сразу удивили честность, прямота и скромность поэта.

Для меня то памятное письмо было полно открытий. Оказывается, Яков Шведов был в нашем городе не один, а два раза.

Первый раз это было в мае 1925 года. Тогда двадцатилетний рабочий-поэт Яков Шведов только что ушёл с московского завода «Серп и молот» в литературу. Хотелось в гущу жизни, чтобы писать о ней. Нужны были путешествия, встречи с людьми. Друг Якова Захаровича

Фронтовики. Шведов - справа

художник М.В. Доброковский с удовольствием рассказывал о поездке в Выксу, где он делал зарисовки в цехах старых металлургических заводов. Эти заводы имели тогда тесные, живые связи с «Серпом и молотом».

И Яков Шведов загорелся мечтой «поглядеть заводы Владимирских мономахов». Он охотно согласился сопровождать Мечислава Васильевича в его новой поездке в наш город. Талантливый художник–график, Доброковский продолжил здесь работу над серией гравюр о старой и новой Выксе, они вскоре появились в одном из московских журналов. А для молодого поэта эта поездка была неудачной: личные неприятности заслонили всё остальное и запомнились больше всего.

Во второй раз – зимой 1940 года – Я.З. Шведов был в Выксе с известным поэтом Аркадием Ильичем Ситковским – автором десяти поэтических сборников (1901–1964). Они получили задание от ЦК металлургов – провести литературные вечера в клубах Выксы, Кулебак, Навашина. Поездка была непродолжительной, но очень напряженной: два выступления в день, одно – утром, второе – вечером.

Говорили о поэзии, отвечали на вопросы, читали стихи. Это были искренние, горячие строки о великой стройке, о героике гражданской войны: такие стихи – лучшие у обоих московских поэтов. И, конечно, всеми любимый «Орленок»: «У власти орлиной орлят миллионы, и нами гордится страна».

Было тепло, душевно, рабочая аудитория принимала нас очень хорошо. Но не хватало времени: «Я даже не смог рассмотреть ваш город». Осталось впечатление честно сделанной, полезной работы, но не осталось от поездки стихов. «Простите, что не мог сообщить Вам ничего полезного для будущей Вашей работы», – такими словами заканчивал своё первое письмо Яков Захарович Шведов.

Но, говоря это, как он был неправ! Хотя я не нашла в его кратком рассказе того, что ожидала, а подробности и детали, здесь приведённые, пришлось искать самой,

но узнала из него немало другого, интересного и ценного. И эти сведения были новыми не только для меня, начинающей, но и для опытных местных краеведов. Искренность, теплота тона старого поэта подкупали. И вот я решила попросить Якова Захаровича рассказать о художнике М.В. Доброковском, о котором мне никак не удавалось найти материал. Я не ошиблась: Яков Захарович не только сразу отозвался, написал всё, что знал о своём безвременно погибшем друге, но и посоветовал, как начать поиск. Во втором письме он назвал мне также имена трёх поэтов с «Серпа и молота», которые вскоре после войны проводили в нашем городе литературные вечера. У клубочка краеведческих поисков появились новые ниточки.

Яков Шведов не отозвался только на одну мою просьбу: прислать для нашего краеведческого музея сборник стихов с дарственной надписью выксунцам. Он просто не успел этого сделать...

Бережно храню я письма Я.З. Шведова и память о нём как о хорошем поэте и человеке с щедрым сердцем.

«ОРЛЁНОК»

Орлёнок, орлёнок, взлети выше солнца
И степи с высот огляди!
Навеки умолкли весёлые хлопцы,
В живых я остался один.

Орлёнок, орлёнок, блесни опереньем,
Собою затми белый свет.
Не хочется думать о смерти, поверь мне,
В шестнадцать мальчишеских лет.

Орлёнок, орлёнок, гремучей гранатой
От сопки врагов отмело.
Меня называли орлёнком в отряде,
Враги называли орлом.

Орлёнок, орлёнок, мой верный товарищ,
Ты видишь, что я уцелел,
Лети на станицу, родимой расскажешь,
Как сына вели на расстрел.

Орлёнок, орлёнок, товарищ крылатый,
Ковыльные степи в огне.
На помощь спешат комсомольцы-орлята —
И жизнь возвратится ко мне.

Орлёнок, орлёнок, идут эшелоны,
Победа борьбой решена.
У власти орлиной орлят миллионы,
И нами гордится страна.

1936 г.

«БЕРЁЗКА»

Среди полей на перекрёстке
Взлетел крылатый столб огня,
Снаряд ударил в ствол берёзки,
А показалось, что в меня.

В июльский полдень, под обстрелом
Я вспомнил детство, отчий дом,
Берёзку, что легко шумела
Своей листвою под окном.
Я вспомнил, как она собою
Нам украшала бедный сад,
Сквозная, чистая — весною,
И золотая — в листопад.

...Пусть пулемёты снова брызнут
Смертельно яростным огнём!
В бой за берёзку, за Отчизну,
За солнце яркое идём!
Идём за милый край отцовский,
И если сгинем мы в боях,
То пусть товарищи берёзку
У нас посадят в головах.

Не надо почестей и тризны
Погибшим в схватках боевых.
Им слово краткое «Отчизна»
Дороже было слов иных.
Идёт огонь на нас стихией,
Летит трассирующих нить...
Берёзка, солнышко, Россия
Живут и вечно будут жить.

1943 г. Курская дуга.

«СМУГЛЯНКА»

Как-то летом на рассвете
Заглянул в соседний сад,
Там смуглянка – молдаванка
Собирала виноград.
Я краснею, я бледнею,
Захотелось вдруг сказать:
– Станем над рекою
Зорьки летние встречать!

Раскудрявый клён зелёный, лист резной,
Я влюблённый и смущенный пред тобой.
Клён зелёный, да клён кудрявый,
Да раскудрявый, резной!

А смуглянка – молдаванка
Отвечала парню в лад:
– Партизанский, молдаванский
Собираем мы отряд.
Нынче рано партизаны
Дом покинули родной.
Ждёт тебя дорога
К партизанам в лес густой.

Раскудрявый клён зелёный, лист резной,
Здесь, у клёна, мы расстанемся с тобой.
Клён зелёный, да клён кудрявый,
Да раскудрявый, резной!

И смуглянка – молдаванка
По тропинке в лес ушла.
В том обиду я увидел,
Что с собой не позвала.
О смуглянке – молдаванке
Часто думал по ночам...
Вскоре вновь смуглянку
Я в отряде повстречал.

Раскудрявый клён зелёный, лист резной,
– Здравствуй, парень забубённый, мой родной.
Клён зелёный, да клён кудрявый,
Да раскудрявый, резной!

1941–1944 гг. Воронежский фронт.

ЯЗЫКОМ САТИРЫ³

В «Выксунском рабочем» 20-30-х годов меня обрадовало и заинтересовало обилие критических, сатирических материалов. Вдумчиво прочла их. И теперь хочу рассказать читателям о том, что узнала.

I.

20-е ГОДЫ. Время становления нового на производстве, в быту, в самом человеке, время острой борьбы с отживающим старым.

«Ещё не выметена прорва дряни», — писал тогда В. Маяковский. И не так-то просто было с этой «дряню» покончить. Сначала следовало её выявить и разоблачить.

Не случайно в это время в «Приокском рабочем», боевой, проникнутой нетерпимостью к недостаткам газете, появляется большое количество критических материалов. Главный их источник — информация, поступающая от рабкоров. Именно они были тогда «главной опорой, постоянным авторским активом» газеты. Третья страница «Приокского рабочего» называлась — «Рабочая жизнь». Здесь и печатались критические заметки рабочих корреспондентов (обычно, в духе того времени, — под псевдонимами: «Заноза», «Резец», «Око», «Факт», «Наш» и другие). Рабкоры писали о беспорядках на производстве, о случаях бесхозяйственности, порчи народного добра, нерадивости, о нечестных и подлых людях.

Это был жизненный, конкретный, свежий критический материал, но он нуждался в большей или меньшей доработке. Обработывая рабкоровские заметки, сотрудники редакции вносили в них юмор, остроту уже самим заголовком. Для него обычно подбирали ироническое выражение, пословицу или стихотворную строку. Вот пример таких остроумных, бьющих в цель заголовков: «Славный завком, только работа под замком», «По винтику, по кирпичику... растаскивают», «Хороши у нас ребята, только славушка

³ «Выксунский рабочий» — 9/VI—1984 г.; 30/VI—1984 г.

худа». Броские, хлёткие заголовки вызывали у читателя интерес к самому материалу.

Содержание заметки редактировали так, чтобы она была короче, чтобы мысли были выражены точно и грамотно, а идея — отчетливо. Образцы удачной доработки рабкоровских корреспонденций:

«Техник Плаксин — не техник, а слёзы» («Приокский рабочий», 1/XII-1926 г.). Вывод: «надо подвинтить Плаксина, а то совсем с резьбы сошёл».

«Спецнадежда» («Приокский рабочий», 27/I-1927 г.). В заметке говорится о том, что у рабочих мелкосортного цеха металлургического завода нет спецодежды, а начальство только тешит их надеждами. «И сколько времени они (рабочие) будут ходить (по инстанциям) и жить спецнадеждами — неизвестно».

«На прогулочке» («Приокский рабочий», 22/ VII-1926 г.). Название запоминается, потому что оно неожиданное: ведь «прогулочка», как ясно из содержания, — прогул: «прогулы растут — прогульщики не отстают». Нельзя церемониться с прогульщиками.

Сатирические заметки нередко сопровождались выразительными рисунками, карикатурами. Так, в «Приокском рабочем» от 15 июля 1926 года под заголовком «Братцы, выпьем!.. Где же кружка?» был рисунок: у большого бака в нелепой, смешной позе лежит рабочий и сосёт из крана воду. Из рабкоровского текста читатель узнавал, что так «заботятся» о здоровье рабочих в вилопрокатном цехе Нижнего завода.

В результате доработки критические материалы, поступавшие от рабкоров, становились значительнее, интереснее, острее, приобретали черты сатиры, а это значит — увеличивалась их действенность, воспитывающее влияние на читателей.

В «Приокском рабочем» печатались и сатирические произведения литсотрудников редакции.

Эти люди жили жизнью родного города, знали его нужды и потребности, видели перспективы. Как газетчики,

они были наблюдательны, активны, не только замечали недостатки, но горячо, смело боролись с ними.

Один из разделов районной газеты назывался: «С фонарём — по щелям». Сатирический фонарь заглядывал и в самые тёмные, узкие щели жизни, обнажая «дрянь»: плохую работу отдельных предприятий и учреждений, нечестное отношение людей к своим общественным обязанностям, к государственной собственности, к труду, недостатки в работе партийных, комсомольских, профсоюзных организаций, бюрократизм, волокиту и т.п. Сатирические произведения создавались на основе подлинных фактов, «по горячим следам событий». Тематика их была разнообразной и диктовалась проблемами жизни города и района.

Из сотрудников «Приокского рабочего» 20-х годов чаще всего к сатире обращались Дмитрий Егоров и Валентин Тараканов. Д. Егоров обычно выступал под псевдонимом «Дим. Октябрь». Серьёзный газетчик, он, по словам редактора «Приокского рабочего» 20-х годов К.В. Урлина, «обладал незаурядным литературным дарованием». (Позднее Д.А. Егоров издал несколько книг очерков и рассказов). Был очень «писуч»: писал корреспонденции, обзоры, очерки, фельетоны. В сатире его излюбленные жанры — сатирическая заметка и небольшой рассказ.

Только в январе 1927 года за подписью «Дим. Октябрь» были напечатаны такие сатирические материалы: «Электро-фикция», «Кулебакский куклукс-клан», «На ирода управы нет», «Толстодумы — волокитчики», «Зелёный змей».

Представление о том, как писал Дм. Егоров, даёт один из его рассказов — «На кладбище».

«Вечер... Огромный, почерневший от времени крест бросает длинную тень на группу людей, удобно расположившихся на покрытой зеленью могиле.

Слышно не совсем подходящее к обстановке подозрительное бульканье, звон стаканчиков и хриплые голоса.

— А ну, по маленькой!

— Раздавим, братишки!

— И эх! Не гулял с кистенём я в дремучем лесу...

Сумрак сгущается... Темнеет... Пляска мертвецов продолжается».

Немногими словами здесь нарисована целая картина выксунской жизни. Авторская речь точная и яркая. Главная мысль сформулирована чётко, сильно: «Пляска мертвецов продолжается». В самом деле, тех, кто устраивает пьяные оргии на святом для каждого русского человека месте — на кладбище, можно назвать духовно мёртвыми, мертвецами.

О Валентине Тараканове К.В. Урлин отзывался так: «Он обладал, безусловно, талантом». Это был талант фельетониста. В местной газете часто печатались его небольшие сатирические статьи на злобу дня — фельетоны.

«Фельетонист он бы хороший, владел острым пером», — так сказал о Валентине Тараканове хорошо знавший его по работе в редакции газеты Н.П. Ключарёв. Его фельетоны, весёлые и злые, написаны легко и живо, похожи на подсмотренные в жизни сценки. Умело используются в них ирония, язвительная насмешка, негодование, сарказм, преувеличение и другие сатирические средства.

Вот как одной фразой охарактеризован инспектор уездного отдела народного образования, любитель спокойной жизни, присланный, чтобы разобраться в школьном конфликте: «Приезжал инспектор УНО, посмотрел деревню, восхитился природой, попил чайку и... уехал». (Фельетон «Кто недоволен?!... Кому охота под суд?» — от 1/VII-1926, № 38).

27 июля 1926 года 3-я страница «Приокского рабочего» была озаглавлена «С пьянством и хулиганством надо повести беспощадную войну!». Здесь, среди множества критических заметок с завода, напечатан остроумный и ядовитый фельетон В. Тараканова «Неподражаемо!». Герой его — «небезызвестный в выксунских массах» юрист У-й. Взятый в милицию во время своих пьяных куражей в пивной, он лает по-собачьи, мяукает по-кошачьи, кричит по-петушиному и «делает это неподражаемо!». Так, что у всех возникает во-

прос: «А человек-то где?». Персонаж другого фельетона В. Тараканова – симулянт, который ловко прикидывался больным, получал пособия по бюллетеню и жил себе припеваючи, пока не впрыснул под кожу скипидар и не был разоблачен. «Паршивый тип» – уничтожающе назвал его автор. («Приокский рабочий», 7/VIII-1926 г., №52).

К сожалению, такие «паршивые типы» – пьяницы, симулянты, хулиганы, пакостники – не перевелись и в наше время, хотя прошло немало лет с тех пор, когда о них гневно писал Выксунский фельетонист.

Как будто сегодня написан и фельетон «Похождения одной бумажки» («Приокский рабочий», 13/VII-1926 г., №42). Вот как он начинается: «В бумажке – великая сила!.. Бумажка (в особенности если она на пишмашинке оттыкана, проштампована, печатью круглой припечатана и с номером «исходящим») – горами может двигать, бурями повелевать и всякими тому подобными стихиями земными и водными, не только что человеком!.. Человек – что?.. По сравнению с бумажкой, он суть – пыль!.. Протоплазма несчастная!.. Микроб!.. Не больше – не меньше! Человек зависит от бумажки. Человек без бумажки – никуда!»

И далее идёт комически-скорбный рассказ о мытарствах двух учеников токаря, которые оказались без места после закрытия железнодорожного депо и ищут с «бумажкой» в руках новую работу. Этапы их пути: мастер – прораб – начальник отдела труда – механик завода – управзаводами – начальник трубного цеха и снова – управзаводами. (Указаны фамилии).

«Бумажка, исписанная вдоль и поперёк, изукрашенная полдюжиной всевозможных резолюций», возвращается на исходные позиции, чтобы совершить новый бюрократический круг.

Итак, на ряде приведённых примеров читатель мог убедиться, что сатира «Приокского рабочего» 20-х годов была формой критики конкретных недостатков. Она имела точный адрес, «герои» назывались поименно, с указанием занимаемой должности.

Авторы сатирических материалов знали, против чего и во имя чего они пишут. Они боролись с большими и малыми помехами, с живучим старым – за укрепление общественного строя, справедливых норм жизни.

И содержанием своих сатирических заметок, рассказов, фельетонов, и своей активной позицией борцов против недостатков они учили читателей коммунистическому взгляду на жизнь.

II.

30-е ГОДЫ остались в истории как время великой стройки. «Всё в стране кипело, бурлило, строилось и перестраивалось».

Горячее дыхание тех лет донесли до нас страницы «Выксунского рабочего». Главное место здесь занимают репортажи состроек, предприятий, корреспонденции о героях труда – стахановцах, бусыгинцах, о том новом, что утверждалось в стране и человеке.

Однако «Выксунский рабочий» сохранял и критический, наступательный дух. По-прежнему в газете печаталось много критических заметок рабкоров и селькоров (раздел «По сигналам рабселькоров»). И хотя у них нет таких хлёстких заголовков, как в 20-е годы, оформление материалов интересное, разнообразное, даже изобретательное. Так, в рубрике «Особых объявлений» за 16 декабря 1936 года сведения, полученные в колхозе имени 14-ой годовщины Октября, даны в виде разговора.

«Краткий диалог».

- У кладовщика Мочалина были? – Были.
- Вино пили? – Пили.
- Ревизию после этого проводили? – Проводили.
- Кирпич принимали? – Принимали.
- За вином при этом посылали? – Посылали.
- Правильно. И ничего вам не будет. И ни у одного члена ревизионной комиссии волос с головы не упадёт, раз ты, член её, мне, председателю колхоза, братом являешься».

А вот случившееся в Шиморском затоне («Случай был такой») записано стихами. Это сатирические сценки из практики «непревзойдённого очковтирателя» кладовщика Г. Сценка первая – Г. готовится к приезду трудинспектора и выдаёт работницам спецовки и рукавицы. Сценка вторая – Трудинспектор хвалит кладовщика за соблюдение правил охраны труда. Сценка третья – и главная: как только ушёл трудинспектор, Г. рывкнул: «А пока...

Ну-ка, бабы, не шутите,
Рукавицы вмиг верните!
Вам и голыми руками
Можно грязь таскать с дровами.
Ну, чего заголосили?!

Был инспектор – поносили...» («Выксунский рабочий»
12 декабря 1936 г.)

В 30-е годы всё большее число сотрудников редакции обращается к сатире. «По затылку», «Языком сатиры», «Колючие строчки» – так называются теперь сатирические разделы «Выксунского рабочего». Почти в каждом номере газеты печатаются сатирические заметки, стихи, рассказы, фельетоны.

Сатирические стихи писали многие. Значительное количество их принадлежит перу Александра Соловьёва, способного поэта, печатавшегося под псевдонимами «А. Зоркий», «А. Новый» (обычно в разделе – «По затылку»).

Стихи сатирического характера писал и Н.П. Ключарёв, ныне известный каждому выксунцу автор дилогии «Работные люди», а тогда молодой сотрудник редакции (псевдонимы «Н. Клэр», «Н. Ключевский»). Это – «Предпраздничные мысли», «Проторённый путь», «Уголовная арифметика», «Рекордсмен», «Легче на поворотах» и др.

Остановимся на более интересном стихотворении Н. Клэра «Об Ослах простых и образованных (Почти по Крылову)». Уже по заголовку мы видим: перед нами басня, хорошо знакомый всем жанр. Он даёт большие возможности для изображения жизни: сюжет незамысловатый, в качестве героев выступают животные, есть иносказание, которое

Коллектив редакции газеты «Выксунский рабочий», 1937 г.

легко раскрывается, стих вольный, мысль ёмкая, широкая. Басня Клэра осмеивает бюрократическую нелепость.

Нижеверейский сельсовет выдавал справки такого рода: «Дана гражданам Нижней Вереи В. и К. в том, что у них действительно свадьба, имеют потребность в вине, что и удостоверяет сельсовет. Секретарь В.»

Смешно? – Да. Особенно смешно потому, что эту справку секретарь сельсовета выдавал... себе и своему новому родственнику.

Но только смешно? Басня на этот вопрос отвечает прямо: такая безголовость вредна для общего дела. Басня применима и сегодня ко многим случаям жизни.

«Об Ослах простых и образованных».

Ослу образование дали.

– Он стал умней?

– Едва ли!

Раньше, как Осёл, ослинствовал он просто,
А нынче грамотность и должность приобрёл
И тож ослинствует,

Но лишь «культурнее» раз во сто.
Какой порядок ни затей,
Но если он в руках В-Х, —
Ей-ей, —
Мы опошлили советский аппарат,
Чему кулак, конечно, будет рад». («Выксунский рабочий» 15 декабря 1932 г.).

Хотя среди написанных выксунцами сатирических стихов нет ничего выдающегося в художественном отношении, а кое-что кажется недоработанным или грубовато-прямолинейным, это был доходчивый, злободневный материал, необходимый для борьбы с недостатками, для воспитания масс в духе непримиримости к злу. И свою роль он честно выполнял. Юмористические и сатирические рассказы появлялись в газете под заголовком «Маленькие рассказы, к сожалению, не выдуманные» за подписью «Иван Унывалов». Н.П. Ключарёв сообщил, что эту рубрику ввёл сотрудник редакции Сергей Королёв (Письмо от 20-го января 1984 года). «Ему же принадлежит и Иван Унывалов. Но писал под этой рубрикой и под этим псевдонимом не только он, а и я, после же отъезда Королёва из Выксы (в 1936 году) рубрику вёл только я».

В основе рассказа лежал «невыдуманный», подлинный факт из жизни Выксы. Он подавался читателю в художественной форме. Как и положено в таком произведении, здесь были герои, события, описания обстановки, природы и т.д., и всё это было подчинено критической мысли автора.

Рассказ «Осенние мотивы» даёт нам представление о характере этих публикаций. Автор с душевной болью нарисовал грустную картину гибнущего городского парка, отданного во власть... коровам.

«Осенние мотивы».

... Грусть и тоска безысходная!.. Медленно кружится пожелтевший лист, падая на сырую, грязную, постаревшую

землю. Слякоть, дождь. В осеннем полумраке унылые фигуры, шагающие по грязи...

Ветер качает голые верхушки деревьев. Кряхтит старый парк. Порывом ветра распахнулись деревянные ворота. Скучающие коровы, овцы, козы и лошади бредут погулять в парк в последний раз. Жадно рвут с молодых деревьев осыпающуюся листву, ломают сучья, обдирают со стволов кожу. Под вечер пастух носится по парку, собирая стадо «нагулявшейся» досыта скотины.

Ночью в парке пронизывающий ветер и мелкий дождь. Стонут от ветра деревья... — «А чёрт занёс тебя!» — чертыхается прохожий, наткнувшийся в темноте на тёплую коровью морду..» («Выксунский рабочий» 118 октября 1933 г.).

Старый наш парк... Мы любим его, гордимся им. Мы пишем о нём — с далёких 30-х годов...

Проблемы, поднимаемые в «маленьких рассказах», были злободневны: о состоянии дорог на улице Ленина, о хлебе, о стеклотаре, об отношении к библиотечной книге и т.д. Некоторые из них актуальны и сегодня. «Выксунский рабочий» печатал в 30-е годы и «маленькие фельетоны». Вот наиболее удачные: «Хвастуны», «Пусть», «Приказ № 183», «Выксунские тени», «Матовые фонари», «Граммофоны», «Что очень прискорбно», «Береги своё здоровье». Даже это выборочное беглое перечисление показывает, что лицо районной газеты определял такой сильный сатирический жанр, как фельетон. Авторы фельетонов подписывались псевдонимами: «Шмель», «С. Кин», «Г. Кинд», «Мих. Новый», «Н. Клэр», «Юрий Север», «Трио» и др.

Раскроем один из псевдонимов. «С. Кин» — Сергей Сергеевич Королёв, литсотрудник «Выксунского рабочего», длительное время — ответственный секретарь редакции; впоследствии завсельхозотделом газеты «Советская Латвия», Заслуженный деятель культуры Латвийской ССР. «Литературно одарённый, эрудированный... Был хорошим стилистом, писал фельетоны, сатирические заметки, рассказы». (Н.П. Ключарёв).

Знакомство с написанным Сергеем Королёвым показывает, что он любил сильное, яркое, литературно отточенное слово, был склонен к юмору, свободно владел сатирическими средствами.

В «Выксунском рабочем» 5 июля 1937 года опубликован был фельетон С. Кина «Хвастуны». В нём осмеяны «Выксунские вральи» – представители торфоуправления (они названы поимённо), которые, вербуя на торфоразработки теньгушевских колхозников, пошли на обман. Они переплюнули Мюнхгаузена, Тартарена из Тараскона, Хлестакова, ставя «мировые вральрекорды». Обещали железо («Весь колхоз бронёй покроём»), гвоздей («У нас в Выксе их куры не клюют»), стекла («В Выксе стеклянные дома делают... пожалуйста»), десятичных весов («Да они у нас на улице растут...»). Словом, сулили «золотые горы», лишь бы получить рабочую силу. Концовка фельетона: «Обманутые ими колхозники, приехав в Выксу, три дня ходили из одного учреждения в другое, пока, наконец, не плюнули и не повернули оглобли обратно, в свою деревню».

Когда бы услышал Хлестаков историю о выксунских вральях, он покачал бы головой и сказал: «Эх, хвастуны, хвастуны! А ведь есть на свете и прокурор!»

Сатирические материалы в «Выксунском рабочем» 30-х, как и 20-х годов, критиковали «невзирая на лица», пошрок осмеивали резко, смело, вели открытую борьбу с ним. Ко всем поднимаемым проблемам авторы их подходили с государственной точки зрения. Отсюда большое воспитательное значение критических заметок, сатирических рассказов и стихов, фельетонов. Каждый из авторов, обращавшихся к сатире, мог бы сказать вслед за Михаилом Зощенко: «Я имею в виду переделку читателя, который должен с помощью художественной сатиры воспитать в себе отвращение к уродливым и пошлым сторонам жизни».

Сатирические материалы не залёживались на столе редактора газеты, печатались своевременно, а потому были актуальны, били в цель. Регулярно в рубрике «По следам наших выступлений» подводились итоги этой большой работы, давались ответы с мест на критику. Виновным было трудно уйти от гласности, от общественного или административного наказания.

Вы вправе спросить меня, дорогие читатели, почему я обратилась к таким далёким страницам «Выксунского рабочего» – 20-30-х годов? Да потому, что из опыта прошлого можно извлечь хороший урок для настоящего, для наших дней.

ХУДОЖНИК М.В. ДОБРОКОВСКИЙ⁴

«Был у меня друг – художник Мечислав Доброковский. Он бывал в Выксе. Он создал линогравюры о старой Выксе, о её людях, сделал зарисовки в цехах старых заводов».

Из письма Я.З. Шведова. 30 июля 1984 г.

Поиски материала о М.В. Доброковском были продолжительными и нелёгкими: художник умер в 1937 году(?), родных его найти не удалось, друзей уже нет в живых.

Помогли в работе советы Я.З. Шведова, запросы в Московское отделение Союза художников РСФСР, в архивный отдел и научную библиотеку Третьяковской галереи, в Саратовский и Пермский художественные музеи. И, конечно, книги о советской графике 20-30-х годов и журналы тех лет. Так с миру по нитке собирался этот материал. Последняя точка в поисках ещё не поставлена. Но уже хочется поделиться с читателями газеты найденным. Что же удалось узнать о М.В. Доброковском – художнике, чей творческий путь пролегал и через Выксу?

⁴ «Выксунский рабочий» – 18/III–1986 г.; 19/III–1986 г.

Мечислав Васильевич Доброковский (1895-1937(?)) детство и юность провёл в Петербурге-Петрограде. После окончания Военно-медицинской академии служил мичманом на одном из кораблей Балтийского флота. Здесь, в среде революционных моряков, получил хорошую идейную закалку. Во время гражданской войны участвовал в знаменитом ледовом походе по спасению кораблей Балтики от захвата белофиннами и немцами (февраль – март 1918 г.). Затем с отрядом моряков, преследующим русских белогвардейцев и англичан, прошёл всю Волгу и Каспий. Вместе с Персармией и кавказскими партизанами побывал в Иране (Персии).

После окончания гражданской войны в новой, мирной жизни Мечислав Доброковский легко нашёл своё место. Ещё в Военно-медицинской академии он увлекался живописью, не оставлял кисти и позднее – на службе в Гельсингфорсе, в боевых походах. И вот «ни врача, ни военного моряка из него не получилось, а художником он стал замечательным», – так сказал писатель А. Костерин (Воспоминания «Силуэты 20-х годов»).

В искусстве М.В. Доброковский шёл трудным путём поисков. Он начал как живописец. В Петрограде и Гельсингфорсе писал море и достиг в этом совершенства. В Реште (Иран) создал два портрета: своего друга А. Костерина и члена Реввоенсовета К.Н. Томашевского. Последний портрет был особенно удачным: художник сумел раскрыть облик умного и душевного человека, каким был Томашевский. На Северном Кавказе, где Доброковский находился после расформирования Персармии, он делал наброски горцев, горных селений, горных утёсов и ущелий.

Неожиданно для всех Мечислав Васильевич бросил живопись и увлёкся графикой. Другам он объяснил, что ищет пути, более «выразительные и соответствующие великой эпохе войн и революций» (слова самого Доброковского).

А эпоха была необыкновенная. 20-е годы – полное противоречий и борьбы, бурное, стремительное время. Революция продолжалась. Она требовала искусства, которое

быстро откликается на события и активно вторгается в жизнь. Живопись казалась спокойной и слишком медлительной. Духу времени больше отвечала графика – искусство быстрое, оперативное, боевое. Это прежде всего рисунок, созданный с помощью линий и штрихов, без красок (плакат, книжная иллюстрация и газетная карикатура, рисунок и гравюра).

М.В. Доброковский вместе с замечательными советскими художниками Моором (Дм. Орловым), А. Дейнекой и др. был зачинателем советской графики.

Путь первых – всегда трудный путь. Ошибки здесь неизбежны. Подстерегали они и Доброковского. Он считал, что современность требует рисунков угловатых, «булыжной тяжести», бросающихся в глаза. На белой бумаге – черной тушью большие пятна, резкие углы, очень строго, даже грубо. Так писал он портреты кавказских партизан.

Многие эту новую графическую манеру не поняли. Писателю А. Серафимовичу, который в 1921 году приезжал во Владикавказ, рисунки Доброковского в газете «Горская правда» и журнале «Горская мысль» не понравились. Резкие углы, черно-белые пятна его просто пугали.

Прошло два года. Для Доброковского это было время смелых поисков, совершенствования стиля, мужания таланта. И вот первая серьёзная победа – портрет осетинки Варвары Джигаевой, делегатки Горского съезда Советов. Так же удачны были иллюстрации художника к книге А. Костерина «В горах Кавказа», к рассказу осетинского писателя К. Гатуева (горец-всадник).

В 1923 году судьба снова свела А. Серафимовича с М. Доброковским – в Москве, в редакции журнала «Безбожник у станка». От былого недоверия к художнику не осталось и следа. Теперь писатель отзывался о Доброковском с большой похвалой, считал его лучшим художником-графиком, выражающим в своих произведениях современность.

Мечислав Васильевич живёт в Москве (с 1922 г.), живёт трудно, неустроенно, подчас впроголодь. Работает страстно, иступленно. Учится во Вхутемасе (в Высших

художественно-технических мастерских). Его учитель — выдающийся советский художник Дмитрий Стахивич Орлов (Моор). Он первым заметил Доброковского и поверил в него. Моор поддерживал молодого художника, рекомендовал его газетам и журналам.

С 1923 года начинается самый плодотворный период в творчестве Мечислава Доброковского. Он становится постоянным сотрудником журнала «Безбожник у станка» (1923-1928). Редактором его была старая большевичка Мария Костеловская. Активно сотрудничает в нём А. Серафимович. Коллектив художников возглавляет Д. Моор. Журнал имел антирелигиозный характер. «Безбожник у станка» ставил своей целью «разоблачить церковников, развеять религиозный дурман».

И, надо сказать, антирелигиозную пропаганду журнал вёл превосходно. Этому немало способствовали смелые сатирические рисунки Д. Моора, М. Доброковского, А. Дейнеки, М. Черемных. «С приходом Доброковского, — рассказывает в своих воспоминаниях А. Костерин, — в журнал ворвалась сильная и свежая индустриальная струя: на его страницах появились зарисовки из болтов, гаек, разных инструментов, станков... Над станками испуганно летали, как мухи, боги, пророки и святые всех религий. Многие сюжеты разрабатывались коллективно: Доброковский рисовал индустриальную часть, а Моор — всех святых». «Безбожник у станка» живо откликался на важные события жизни нашей страны и других стран, поддерживал связь с читателями города и деревни. Работа в этом журнале была для М.В. Доброковского и политической школой, и школой профессионального мастерства.

Широкой и разнообразной становится деятельность художника в эти годы: он рисует для журналов («Красный воин», «У станка»); оформляет и иллюстрирует книги («Алая нефть» А. Костерина, «Чудо-рыба» Н. Комколева, «Ухабы» А. Новикова-Прибоя); пишет плакаты. На Парижской выставке за один из своих плакатов М.В. Доброковский получил золотую медаль и диплом.

Во второй половине 20-х годов к художнику приходит заслуженный успех. Перед ним раскрыты двери редакций журналов и издательств. Он участник советских и международных выставок (Париж — 1925 г., Лейпциг — 1927 г., Винтetur — 1929 г., Данциг — 1930 г.).

Глубокий, ищущий, бескомпромиссный человек, талантливый художник-новатор, бесстрашно пролагавший новые пути в советской графике 20-30-х годов, — таким запомнили Мечислава Васильевича Доброковского современники, работавшие с ним бок о бок в искусстве и журналистике. К сожалению, имя его ныне почти забыто.

А теперь следует сказать о том, ради чего мной предпринимался поиск, — о поездках М.В. Доброковского в Выксу. Они относятся к 20-м годам, времени расцвета таланта художника. Он работал тогда не только в журнале «Безбожник у станка», но и в приложении к нему — «У станка» (1924-25). Это был орган московского комитета РКП(б).

Журнал считался заводским и рассказывал о жизни фабрик и заводов, о социалистическом строительстве, новом быте. Авторский коллектив был тот же, что и в «Безбожнике». Кроме того, в редакцию входили представители рабочей молодёжи многих заводов Москвы, в том числе «Серпа и молота» (тогда завод Гужона). На этом заводе Доброковский работал. Там его считали «своим художником».

Мечислав Васильевич был увлечен индустриальной темой. Он понимал всю её важность: советская промышленность только начиналась, художники тоже должны были помочь ей встать на ноги. Его интересовали производственные процессы, новая техника, человек на производстве. В альбомах художника появились заводские помещения, рабочие у станка, в трамваях. «Зачем тебе всё это?» — спрашивали друзья. — «Такие детали нашего времени очень ценны, — отвечал он. — Всё, что мы сейчас переживаем, что строим и как, какие наши люди, — всё это надо взять в этюдник. Это наш путевой багаж. Это очень ценный материал для будущего».

И вот на страницах журнала «У станка» — с первого номера — стали печататься заводские рисунки Доброковского: «У строгального станка», «В литейном цехе», «У мартена». Многие из них сделаны на материале завода «Серп и молот». Содержание их самое простое: обычные заводские помещения, станки, рабочие. Но «сколько знания завода..., сколько радости вложено автором в это кружево конструкций и эти станки! Художник сумел наполнить это несложное изображение завода пафосом строительства» (Д. Моор).

Работал он много, напряженно. Только во втором номере журнала за 1924 год десять литографий М.В. Доброковского. Но материал требовался ещё и ещё. И Доброковский отправлялся в творческие командировки. Ездил он на нефтяные промыслы, на заводы (Баку, Грозный, Мытищи, Подольск, Красное Сормово).

Бывал он и в Выксе. И это легко объяснить: наши металлургические заводы в 20-е годы имели большое значение для страны и были интересны художнику. В одну из поездок на заводы «владимирских мономахов» Доброковский взял с собой своего друга Якова Шведова. С ним Мечислав Васильевич познакомился на заводе «Серп и молот», из цехов которого вышел молодой поэт. Они сблизилась во время совместной работы в редакции журнала «У станка». В сохранившихся номерах этого издания удалось найти три литографии, посвященные нашему городу. Это — «На Верхневыксунском заводе», «Панорама Верхневыксунского завода» (1924, №3, с. 9, 12), «Верхневыксунский завод. Воздуходувные машины» (1925, №2, с. 6). Сделаны они со знанием дела, свежо и интересно. Работы датируются 1924 и 1925 годами. Это позволяет утверждать, что художник Мечислав Васильевич Доброковский был в нашем городе не менее двух раз: в 1925 и в 1924 (или даже в 1923) году.

Думается, что именно у нас сделан и этот выразительный рисунок — «Старый рабочий» — и что в серии «Заводские рисунки и заставки», представленной М.В. Доброковским в 1925 году на 1-ю Московскую выставку художников-станковистов, были и рисунки, родившиеся в Выксе.

ПО СЛЕДАМ ОПУБЛИКОВАННОГО.

Моя статья о М.В. Доброковском была напечатана в газете «Выксунский рабочий» в 1986-м году. Поставить точку в поисках материала о художнике я тогда не могла: тревожила дата его смерти — 1937 (?). Что кроется за ней? — Узнать не удавалось. Не помог и запрос в Московскую организацию Союза художников РСФСР (МОСХ). Удивительно, но она вообще «не располагала никакими данными в отношении художника Мечислава Доброковского». (Ответ на мой запрос. 29 октября 1984 года). А в специальной библиотеке МОСХ сведения о нём были только до 1930 года (в отделе персоналий). Конечно, всё это казалось странным, настаивало. И всё-таки я втайне надеялась, что московские товарищи заинтересуются судьбой известного художника, а выяснить истину им в Москве гораздо легче. Но увы...

Прошло несколько лет. И вот в феврале 1989 года я неожиданно получила письмо от зав. отделом персоналий МОСХ Светланы Яковлевны Гильман с вопросом: не был ли Доброковский репрессирован и не погиб ли в заключении? «Мне кажется, — писала она, — Вы упоминали об этом, но сейчас не могу найти Вашего письма. Если это так, не смогли бы Вы сообщить мне известные Вам обстоятельства, связанные с этим фактом? Сведения о нём необходимы в связи с деятельностью общества «Мемориал». (ЦСБ МОСХ. 21/II-1989 г.). Оказывается, узнать о судьбе художника понадобилось для известной правозащитной организации...

Прямого ответа на вопрос С.Я. Гильман я, к сожалению, дать не могла. В работе над темой о Доброковском меня прежде всего, конечно, интересовали сведения о пребывании художника в Выксе. Но кое-что о его дальнейшей судьбе из прочитанных книг и журналов я узнала, о чём и сообщила адресату. Посоветовала внимательно прочитать воспоминания «Силуэты 20-х годов» (Ж. «Искусство». 1986 г. №1). Их автор — советский писатель Алексей Евграфович Костерин, большой друг Доброковского. Они сблизил-

лись во время Гражданской войны на Кавказе, жили в Москве несколько лет вместе, работали в одних журналах и газетах. Алексей Костерин считал Мечислава Васильевича оригинальным, талантливым художником-новатором, понимал и ценил его творческие искания, знал о его успехах и немалых трудностях. Воспоминания «Силуэты 20-х годов» интересные, искренние, но неполные: видимо, не обо всём можно было сказать открыто. Но в них ценны сведения о последнем периоде жизни художника: «В 30-х годах имя Доброковского на московском горизонте стало тускнеть. Редакторы стали обходить непокорного, несговорчивого художника, который не хотел ни на йоту отступать от своего стиля графики. Он был так же непримирим и воинственно настроен, как и в начале своей творческой деятельности.

Доброковскому давали работы всё меньше и меньше» (с. 42). И хотя «стиль его утвердился в советской графике, особенно в индустриальной тематике», чиновники от культуры не принимали его творчества, замалчивали его успехи. Это были своего рода гонения. А. Костерин, приведя несколько смелых высказываний М. Доброковского по вопросам искусства, заключает: «Эти разбросанные по альбомам осколки мыслей, как мне кажется, помогут искусствоведам глубже раскрыть творческие замыслы талантливого художника, который безвременно погиб в 1937 году». Прямого ответа на вопрос о судьбе Доброковского здесь нет, и всё-таки главное сказано. Недаром точно указана дата — всем знакомый 1937 трагический год. Думаю, читатели воспоминаний поняли этот прозрачный намёк: художник скорее всего стал жертвой репрессий, как и написавший о нём Алексей Костерин. (В годы культа личности писатель был незаконно репрессирован; реабилитирован в 50-е годы). При каких обстоятельствах, как именно погиб Мечислав Доброковский, — об этом можно только догадываться.

Известно, что о преследованиях, арестах, гибели неудобных для власти, выбивающихся из общего ряда людей, публикаций не было — стена молчания окружала их. Родные,

близкие вынуждены были молчать, лишь самые отважные решались сказать слово правды или намекнуть на неё.

«Может быть, — писала я С.Я. Гильман, — удастся что-нибудь найти в фонде М.В. Доброковского в Центральном государственном архиве литературы и искусства. И всё-таки самый надёжный прямой путь поисков ответа — обращение с запросом о судьбе большого художника в органы МВД-НКВД». (Письмо в МОСХ. 11/III—1989 г. Мой архив).

Писала и вспоминала, с какими трудностями встретилась, собирая в начале 80-х годов сведения о смелом и талантливом фельетонисте нашей газеты Валентине Ивановиче Тараканове. Он был арестован в 1936 году, погиб в тюрьме в 1941-м году; по сведению сестры, посмертно реабилитирован. Но мои попытки проверить, подтвердить эту информацию кончились ничем. «То было почти тридцать лет назад, — думала я. — Конечно, времена изменились, доступа к истине стало больше». Сегодня могу сказать: это — правда. Доступа к истине стало, действительно, больше — даже к самой страшной.

В Интернете появились документальные материалы правозащитной организации «Мемориал» о репрессированных — Книги Памяти и расстрельные списки.

Одна из Книг Памяти названа «Бутовский полигон». Статью в ней «Художники и Бутовский полигон» открывают потрясающие душу слова: «В числе казнённых на Бутовском полигоне оказалось много художников — около ста. Известные живописцы, скульпторы, графики и скромные оформители витрин, шрифтовики, текстильщики; люди в расцвете сил и таланта и художники, чьё дарование только обещало развернуться в дальнейшем. Нет нужды искать логики или хоть какого-то смысла в выборе жертв. В числе погибших — художники на любой вкус: есть авангардисты, есть соцреалисты. Один расстрелян потому, что он латыш, другой — потому что поляк или немец, итальянец или австриец, третий — потому что был «неподходящего» происхождения, четвёртый — потому что ходил в церковь и т.д. и т.п.»

В 3-ем выпуске этой книги на странице 82 в числе репрессированных художников назван М.В. Доброковский. Вот сведения о нём из расстрельного списка: «Доброковский Мечислав Васильевич (1895, Польша, Петроковская губ, местечко Видзы – 1938.07.01, Москва, † Бутово), поляк.

Образование: среднее, б/п, житель: г. Москва, Звонарский пер., д. 1, кв. 22. Арест: 1938.03.04. Осужд. 1938.05.19. Комиссия НКВД и прокуратурой СССР. Обв. шпионаже по поручению контрреволюционной шпионско-террористической польской организации, в которой состоял. Расстр. 1938.07.01. Место расстрела: Москва. Реаб. октябрь 1957. (Москва, расстрельные списки – Бутовский полигон)».

Думаю, никаких пояснений к этому документальному материалу, помещенному в Интернет, не требуется. Читатели, конечно, всё поняли. Мои поиски закончены, а точку поставить трудно, очень трудно...

ПО СЛЕДАМ ОДНОЙ ПОЕЗДКИ. ИЗ АРХИВА КРАЕВЕДА.

«И ещё одна памятка: в Выксу по путёвкам культотдела Союза металлистов (ВСРМ) приезжали к вам три поэта: Кирилл Чирков, Александр Филатов и Николай Флёров», – так писал мне в октябре 1984 года Яков Захарович Шведов. И это стало отправной точкой нового поиска. Итоги его я предлагаю вам, наши читатели.

Все они, как и Яков Шведов, вышли из цехов прославленного московского металлургического завода «Серп и молот». Все были тогда начинающими, без громкого имени и славы. За плечами каждого стояла школа труда и университет войны. Это определило их раннее гражданское и поэтическое мужание.

Кирилл Чирков был знатным сталеваром. В годы Великой Отечественной войны давал скоростные плавки ме-

талла – «чтоб лётчик летал, чтоб снайпер стрелял, чтоб яблоки зрели в саду» («У мартена»). У мартеновской печи рос и креп его поэтический дар.

Александр Филатов имел право сказать о своём поколении: «Как сталь проверяется крепким закалом, Так нас проверяла отчизна войной». («Сыновний поклон»). В мирное время он стоял у токарного станка. Пришла война – командовал пулемётным взводом, был помощником начальника политотдела по комсомолу. Работал литсотрудником фронтовой газеты 6-ой Орловской дивизии 2-го Украинского фронта – «Краснознаменец». Прошёл с боями через семь государств. Под Прагой был тяжело ранен и контужен. Войну Александр Филатов закончил в Берлине.

Его ровесник и друг Николай Флёров восемнадцатилетним пришёл на «Серп и молот». Вырос здесь до конструктора. Призванный в 1935 году в Военно-морской флот, служил на легендарном линкоре «Октябрьская революция». В Великую Отечественную войну морской офицер Н.Г. Флёров – военный корреспондент, сотрудник газеты «Краснофлотец» на Северном флоте (с 22 июня 1941 г. по июль 1945 г.). Потом – в газете Тихоокеанского флота (август-декабрь 1945 г.). «И мир был нами с бою взят», – написал он, вспоминая свою военную молодость. («Слово о современности»).

В наш город Кирилл Чирков, Александр Филатов и Николай Флёров приехали в декабре 1946-го года. Напряженной была программа поездки. 17-го декабря состоялся творческий вечер поэтов во Дворце культуры металлургов, 18-го – встреча с молодыми рабочими в Деловом клубе и общежитии лесозавода, 19-го – выступления перед рабочими прокатных и мартеновских цехов, перед учениками школы фабрично-заводского обучения (ФЗО).

Рабочие: электрики, токари, сталевары, прокатчики – тепло принимали московских поэтов, посланцев «Серпа и молота». Аудитории были заполнены до отказа. Слушатели дружно аплодировали своему товарищу по профессии поэту-сталевару Кириллу Чиркову. В поэтических строках

его стихотворения «У мартена» для металлургов всё было своё, родное, близкое. Большой успех сопровождал выступления Александра Филатова и Николая Флёрова. Юноши и девушки увидели в них живых героев, вчерашних фронтовиков, совсем недавно снявших выдавшие виды шинели. Оба они прошли дорогами войны от её начала до самого конца, много видели, пережили, о многом могли рассказать. Их слушали очень внимательно; зал замирал: одно дыхание, одно волнение, общие для всех чувства. Со всем недавно отпыхала страшная война; в каждом сердце свежа была боль потерь наших, жила память о пережитой народом трагедии, о подвиге фронта и тыла: в великом напряжении всех сил они одолели фашизм, одержали победу. Металлурги – выксунцы, слушая московских поэтов, должно быть, вспоминали не вернувшихся с фронта своих товарищей, горячие дни и ночи родного завода, всё отдавшего победе.

И было самое дорогое, что случается на таких встречах, – полное единение поэтов и слушателей.

Взволнованно, проникновенно звучали стихи об отваге и героизме бойцов, о фронтовом братстве, о любви советских людей к родине, ради свободы которой они шли на смерть. Стихи эти согреты живым, искренним патриотическим чувством. Они – о пережитом, прошедшем через сердце. Это – «За тех, кто в море», «Баллада о солдатской матери» Николая Флёрова; «Сыновний поклон», «Письмо дочурке» Александра Филатова и др. Слушатели их принимали живо, долго аплодировали.

Вот несколько стихотворений молодых поэтов – серпомолотовцев с тех далёких, 1946 года, поэтических вечеров:

КИРИЛЛ ЧИРКОВ «У МАРТЕНА»

Мартен мой, как прежде, нагрет докрасна,
Мы с другом привыкли к нему,
В нём пламя играет, как ливнем весна,
Как волны прибоя в Крыму.

Я знаю, товарищ, нам нужен металл,
Расплавим чугуны и руду,
Чтоб лётчик летал, чтоб снайпер стрелял,
Чтоб яблоки зрели в саду.
Два солнца встречаются в цехе моём:
Одно рассыпает лучи,
Другое мой цех озаряет огнём
И плавкою зреет в печи.
В гудящем мартене родился металл
Из бурных железистых руд,
Чтоб трактор пахал, чтоб хлеб созревал,
Чтоб славился творческий труд.
С тобой мы, товарищ, с рассветом встаём,
Спит город в предутренней мгле.
Мы плавки даём и песни поём,
Чтоб легче дышать на Земле.
Лети, мой металл, свети, мой металл,
Не меркни ни в холод, ни в жар,
Чтоб Сталин сказал: «Хороший металл,
Спасибо тебе, сталевар!»

АЛЕКСАНДР ФИЛАТОВ «СЫНОВНИЙ ПОКЛОН»

Мне с детства знакомы цехов перестуки –
Недаром под залпом литых батарей
В боях, сталевары, за время разлуки
Я с вами родство ощущаю острей.
Когда по окопам переднего края
Гудит наших пушек огонь навесной,
Мне кажется, это гудит, не смолкая,
Мартенов моих закипающий зной.
Когда от раскатов разносится эхо,
Когда от снарядов скрежет броня,
Я чувствую запах литейного цеха
И слышу отеческий клёкот огня.
Сверкает металл и гудит перекатом,

Ревёт по оврагам, поёт по лесам.
Душа оживает: ведь в цехе когда-то
В содружестве с вами варил его сам.
Я сам его плавил и помню, бывало,
Глядел, замирая, стоял не дыша,
Когда эта белая вьюга металла,
Как море, шумела в просторах ковша.
И вот над страной закипели пожары,
Разжала объятья в прощаниях мать:
Литьё моё стало оружием кары,
И мне довелось им пришельцев карать...
На бранных пространствах солдатам бывалым
В походах не страшен порыв ветряной.
Как сталь проверяется крепким закалом,
Так нас проверяла отчизна войной.
Вчера я шагал по донецкому краю,
Сегодня прошел задунайскую часть...
Поверьте, друзья-сталевары, не знаю,
Откуда поклон вам сыновний послать.
...Я нынче в дозоре за Шпреей-рекою.
Давно отпылало в атаках литьё.
Но снова, как песня, ты всюду со мною,
Отечество милое, сердце моё!

Апрель 1945 г.

Н. ФЛЁРОВ «ЗА ТЕХ, КТО В МОРЕ»

Уж так на флоте повелось:
Когда с друзьями все мы в сборе,
То самый, самый лучший тост
У нас такой: «За тех, кто в море!»
За тех, кто в этот день и час
Не за одним столом, не с нами,
К кому приходит шторм, стучась
В борта чугунными волнами.

За тех, кто день, и два, и пять
Идёт на тральщике в дозоре,
О ком не совестно сказать:
«Наш тост за них, —
За тех, кто в море!»
За тех, кто вышел в океан,
Кто в Черном, в Баренцевом, в Белом
Пробьётся сквозь любой буран,
Везде пройдёт в порыве смелом.
За тех, кто, может, не придёт...
Но если вновь к причалу станет,
То добрым словом в свой черёд
Ушедших в плаванье вспомнит.
Когда ж придёт походный час
И станут дни и ночи жарки,
Мы знаем, кто-то и за нас
Поднимет дружеские чарки.
От мысли этой нам теплей.
И где бы ни был ты в просторе —
У моряка полно друзей,
А тост друзей:
«За тех, кто в море!»

О выступлениях Кирилла Чиркова, Александра Филатова и Николая Флёрова в нашем городе писала местная пресса. Просматривая номера «Выксунского рабочего» за декабрь 1946-го года, я нашла стихотворение «У мартена» и две небольшие заметки: «Московские поэты — металлурги в Выксе», «Московские писатели в гостях у молодых рабочих». Они и дали мне первое представление о том, что было. Автор второй корреспонденции Борис Личнов закончил своё сообщение очень значительными словами: «Хорошее начинание сделали руководители завкома металлургов. Остаётся только пожелать, чтобы профсоюз почаще организовывал встречи работников искусств с рабочими и с молодыми — особенно». (В.Б. Думаю, предло-

жение ценное и для нашего времени). Впечатление, судя по всему, те поэтические встречи оставили сильное. Легко понять, почему: стихи были настоящие (не «из любвей и соловьёв какое-то варево»), а молодые самостоятельные поэты с «Серпа и молота», несомненно, люди одарённые.

Мои краеведческие поиски продолжались. Сведения об этих поэтах я нашла в сборниках стихов, в некоторых литературоведческих материалах — немного, правда. Но хотелось узнать о подробностях той далёкой поездки от самих московских поэтов. Интересовала и их дальнейшая творческая судьба. На моё письмо сразу откликнулся Н.Г. Флёров. Завязалась переписка. «Вы мне своим письмом наполнили почти уже ушедшее из памяти время нашей послевоенной молодости, — писал Николай Григорьевич 23 ноября 1984-го года. — Да, было такое: президиум ЦК Союза металлургов послал нас, троих серпомолотовцев, в такое поэтические турне по нескольким металлургическим районам. Помню, что были мы на Электростали, под Москвой, на Смутнинских заводах и вот у вас, в Выксе. По этому поводу есть один небольшой материал и в моём личном архиве: это вырезка из газеты «Выксунский рабочий» от 18 декабря 1946-го года... Что же касается впечатлений, то, честное слово, я никаких деталей не помню. Это было очень давно, и к тому же всё наше «турне» слилось, видимо, в одну поездку, а потому отметить что-то непосредственно касающееся Выксы трудно. Я только хорошо помню, что нам сопутствовал успех, что всегда наши выступления отмечали газеты, печатали наши стихи».

На мой вопрос, дала ли эта поездка что-нибудь для их работы, Николай Григорьевич ответил так: «Конечно, дала: мы как бы вышли за рамки «Серпа и молота», а сама поэтическая работа наша стала шире. Не случайно же вскоре вышли в Москве наши первые книжки, мы с Филатовым вступили в Союз писателей».

Так московский поэт Н. Флёров на склоне лет оценил поездку с К. Чирковым и А. Филатовым в 1946-ом году в металлургические города Центра, в том числе и в Выксу.

Для них, молодых поэтов, это был выход за пределы завода, в большую жизнь. Признание рабочей аудитории укрепило их веру в свои поэтические возможности. Оно окрылило, дало силы взять первую творческую высоту. Потому, и спустя почти сорок лет, эта поездка осталась в памяти как важное событие. Потому и хранил в своём личном архиве Николай Флёров небольшую заметку из газеты «Выксунский рабочий».

Сообщив, что Кирилл Чирков⁵ несколько лет назад умер, а Александр Филатов⁶ тяжело болен, Николай Григорьевич кратко рассказал о себе: «Продолжаю работать в поэзии и прозе. Издал более 30 книг. В мае 1983 года широко отметили моё семидесятилетие. Меня наградили орденом «Знак Почета». Было много творческих вечеров. Была передача большая по Центральному телевидению». (И её повтор 25 ноября 1983-го года. В.Б.).

Поэтическая судьба Николая Григорьевича Флёрова сложилась счастливо. Его первое стихотворение было напечатано в детском журнале «Искорка» в 1926 году за подписью «Пионер Н. Флёров». Было ему тогда двенадцать лет. Юношей на заводе «Серп и молот» он занимался в литературном кружке «Вальцовка», которым позднее руководил. Первая поэтическая книжка Н. Флёрова — «Стихи о Тихом океане». Вступив в 1947-ом в Союз писателей, Николай Григорьевич стал профессиональным литератором. Он автор повести «Море и жизнь», очерков, поэм, стихотворений (наиболее характерные сборники — «Избранные стихи», 1975 г.; «Четыре книги жизни», 1978 г.). Ему принадлежит немало песен: «О море и флоте».

Н.Г. Флёров вырос в настоящего большого поэта. А хороший поэт — это талант плюс неустанный труд. (Думаю, мои читатели с этим согласны).

И в 70 лет, и в 72, и позже у Николая Григорьевича

⁵ К. Чирков — рабочий-поэт. Профессиональным поэтом не был.

⁶ А. Филатов — известный поэт России, умер в 1985 году (1913–1985).

было, как всегда, много неотложных дел, большие творческие планы. В марте 1985-го года он мне писал: «Извините, пишу коротко, на открытке: масса всяких дел, хотя давно бы пора их все бросить и по возрасту, и по болезням. Но не могу. И вот сейчас составляю сборник-антологию стихов о море – от Ломоносова до наших дней⁷. Работы – прорва».

Но, как бы ни был занят Николай Григорьевич, он всегда находил время ответить на письмо, дать полезный совет, прислать нужный материал. Когда я подарила ему книгу о Выксе «Второе рождение», то думала: пусть хотя бы просмотрит её и вспомнит город, в который приезжал в дни своей молодости. И каково же было моё удивление, когда прочитала в ответном письме: «Книгу читаю. Это очень хорошо, что издана такая книга. Только мне показалось...» – и далее шли замечания, главное: «... написана она довольно казённым языком. Тут нужен был литератор». Стало ясно: Николай Григорьевич не просматривал, а читал книгу, внимательно читал.

Нашему городскому музею поэт прислал сборник стихов «Планета Любовь» с дарственной надписью: «Краеведческому музею г. Выксы, где мне довелось побывать в годы послевоенной молодости, с глубоким уважением от автора. Н. Флёров. 23/XI-84 г.».

Человек деятельного добра, Николай Григорьевич был полон живого интереса к миру, сочувственного внимания к людям. Сообщив мне адрес многотиражки «Серпа и молота», где я могла получить необходимые сведения о его товарищах по поездке в Выксу, Н. Флёров писал: «Думаю, они Вам помогут, а я могу отделаться только общими фразами, но не хочу. Всего Вам доброго. Пишите». В другом письме: «Думаю, что «Мартеновка» всё же ответит Вам, хотя за последнее время это святое правило газетчиков здорово подзабыто. (В.Б. «Мартеновка» так и не ответила). Шлю Вам книжечку свою, где есть и стихотворение «За тех, кто в море»... Спасибо Вам за внимание ко мне».

⁷ Сб. «Море» вышел в 1987 г.

Эта книжечка стихов с милым названием «Черёмуха» хранится в моём архиве. Очень дороги мне слова поэта в посвящении: «... патриотке своего города и своего дела, с лучшими пожеланиями и от всей души. Н. Флёров. 1/VIII-85 г.».

На своём краеведческом пути я встретила немало интересных людей. Один из них – Николай Григорьевич Флёров (1913-1999). Моё знакомство с ним не было долгим, но впечатление оставило яркое.

Потомок П.С. Кайсарова, знаменитого адъютанта М.И. Кутузова, сын участницы героической обороны Порт-Артура в Русско-японской войне 1904-1905 годов, Н. Г. Флёров был истинным патриотом своей страны. Он защищал родину в годы Великой Отечественной войны: сначала как матрос на Северном флоте, потом – как флотский офицер; участвовал в разгроме милитаристской Японии. Закончил военно-морскую службу капитаном 2-го ранга.

С 1947 года в профессиональной литературе. И в своей поэзии он, лауреат премии Александра Фадеева, оставался сыном Отечества. В его стихах серьёзные раздумья поэта-гражданина о прошлом и настоящем нашей страны, живая память о минувшей народной войне и её героях. И ещё – они о делах и судьбах людских, о сложной жизни сердца человеческого, о вечной и мудрой природе. И, конечно, – о всегда любимом море. Николай Флёров плавал на многих морях, но более всего чувствовал себя североморцем. До конца дней поддерживал он дружеские и творческие связи с Северным флотом. Ныне в Мурманске библиотека Дома офицеров флота носит его имя. Морю и флоту Николай Григорьевич посвятил многие свои поэмы и стихи, знаменитую «Балладу о матросской матери». Он автор флотских песен: «Бушлат», «Синеглазая морячка» (исполнял Л. Утёсов), «Морская лирическая», «Что шумишь ты, студёное море?», «И снова бухта Золотой Рог», «Слава флоту». Песни эти, по словам писателя-мариниста Л. Соболева, «поют на всех морях».

Стихи, песни Н.Г. Флёрова искренние, добрые, светлые. Они не подвержены моде. Вот что сказал о них сам поэт:

«Мне кажется, что я всю жизнь пишу одну книгу: в ней простор полей и лесов, голубизна озёр сочетаются с воспоминаниями о заводской юности и плавках первых пятилеток, в ней гудят волны, плещут в небе военно-морские флаги и над всем этим главенствует верность и любовь... И может быть, в этой нескончаемости и лежит смысл того, что я всё пишу свою книгу». // – «Вместо предисловия». Сборник «Бисерово озеро». М. СП. 1986. с.3.

ИЗ ПОЭТИЧЕСКИХ СБОРНИКОВ НИКОЛАЯ ФЛЁРОВА

«ПОЮ О РОССИИ»

И опять я пою о России,
О моей ненаглядной красе,
О берёзах, чьи ноги босые
Утонули в холодной росе;
О прудах, где притихли кувшинки,
На закате прикрыв лепестки,
И о елях, что солнцу вершинки
Подставляют над гладью реки.
А ещё о ромашках – на ситце,
О созвездьях – над плавкой стальной,
О ракете, что в небо стремится,
Об энергии силы речной.
Это тоже сегодня Россия!
Знаю, веря и в разум и в труд,
Что берёз наших ноги босые
По планетам иным побегут.

Я много лет об этом думаю,
О невернувшихся скорбя,
Что, может, кто-нибудь судьбу мою,
Что, верно, кто-нибудь беду мою
На фронте принял на себя;

Что это было мне назначено
Лежать на Муста-Тунтури,
Да кем-то вдруг переиначено
В час наступающей зари;
Мне быть убитому под миною
У деревушки Эльвенес,
Да кто-то будто бы лавиною
Рванулся ей наперерез.
Но если прав я в убеждении,
Что не во сне, а наяву
Пал кто-то за меня в сражении, –
То за кого-то я живу?!
Живу я, радуюсь, печалуюсь,
Иду дорогами борьбы
И, верно, потому не жалеюсь
На все превратности судьбы.
Но и того ещё из памяти
Мне до кончины не стереть,
Что за кого-то в ратной замети
И я готов был умереть.

БАЛЛАДА О МАТРОССКОЙ МАТЕРИ. (ОТРЫВОК)
МАТЕРИ МОЕЙ НАДЕЖДЕ ДМИТРИЕВНЕ ФЛЁРОВОЙ

Пришла печальная и строгая.
Не день, не два её сюда
Везли железною дорогою
На Крайний Север поезда.

И, наконец дойдя до палубы,
Так сильно утомилась мать,
Что, кажется, сейчас упала бы,
Когда бы под руки не взять.

Закатное густело зарево,
Окутав скалы и залив,
И тихо, тихо разговаривал
С матросской матерью комдив.

«Вот так же, Марфа Никаноровна,
Закат пылала и в том бою,
Когда с товарищами поровну
Делил ваш сын судьбу свою.
Он, может быть, всю жизнь вынашивал
Мечту о подвиге своём.
Награду – орден сына вашего –
Мы вам сегодня отдаём...»

Нет, слёз у матери не видели,
Наверно, выплакала их
Одна в лесной своей обители,
В Уральских кручах снеговых.

И снова рану сердца трогая,
Перетерпевшая беду,
Спросила только:
«Как дорогу я
К могиле Ваниной найду?»

Комдив смотрел на мать растерянно,
Ей не решаясь объяснить,
Что нам обычаями велено
Матроса в море хоронить...

Шли в базу.
Завтра ли, сегодня ли,
Все знали, вновь дружить с волной.
И мы наутро якорь подняли,
Прощаясь с бухтою родной.

А у причала невысокого
Стояла, выйдя провожать,
Уже теперь не одинокая
И всех нас любящая мать.

И, глядя на море с тревогою
И боль и радость затая,
Сказала нам перед дорогою:
«Счастливым путь вам,
Сыновья...»

Залив стелился гладкой скатертью,
Но в море ждал кипящий вал.
И каждый расставался с матерью
И мамой тихо называл.

И вдаль идя необозримую,
Где смелых бурям не сломать,
Он вспоминал свою родимую,
Свою,
Единственную мать...

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Данилович Москальчук

Вольному – воля, или ножи стрелецкие, что зубы молодецкие ...3
Царицынский кордон43

Галина Николаевна Храмова

Послание через века.....47

Николай Степанович Будко

Один день из прошлого сноведского завода.51

Валентина Васильевна Балдина

«В маленьком городе» Александра Письменного.....57

«Приокская глубинка» № 2 (11) 2011
Краеведческий альманах

Издание зарегистрировано
в Государственном комитете РФ по печати
Свидетельство ПИ № ФС 18-3716 от 10.01.2008

Учредитель
Управление культуры
администрации Выксунского района
Нижегородской области

Главный редактор
Галина Константиновна Никулина

Художник
Юрий Васильевич Гальянов

Адрес редакции
607060, Нижегородская обл.
г. Выкса, микрорайон Центральный, д. 20

Свободная цена

Издательство

603000, Нижний Новгород
ул. Короленко, д. 19^А
Телефон (831) 277-10-99
E-mail: a4@infonet.nnov.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
ООО «Растр-НН»

603024, Нижний Новгород,
ул. Белинского, 61
Телефон (831) 278-78-17
E-mail: rastrnn@nts.ru

Подписано в печать 07.04.11

Формат 84x108^{1/32}. Бумага офсетная
Гарнитура Newton. Печать офсетная
Тираж 1000 экз. Заказ № 390

Общество выксунских краеведов благодарит
главу администрации района Алексея Степановича Соколова
и начальника управления культуры Юрия Владимировича Жулина
за помощь в издании альманаха